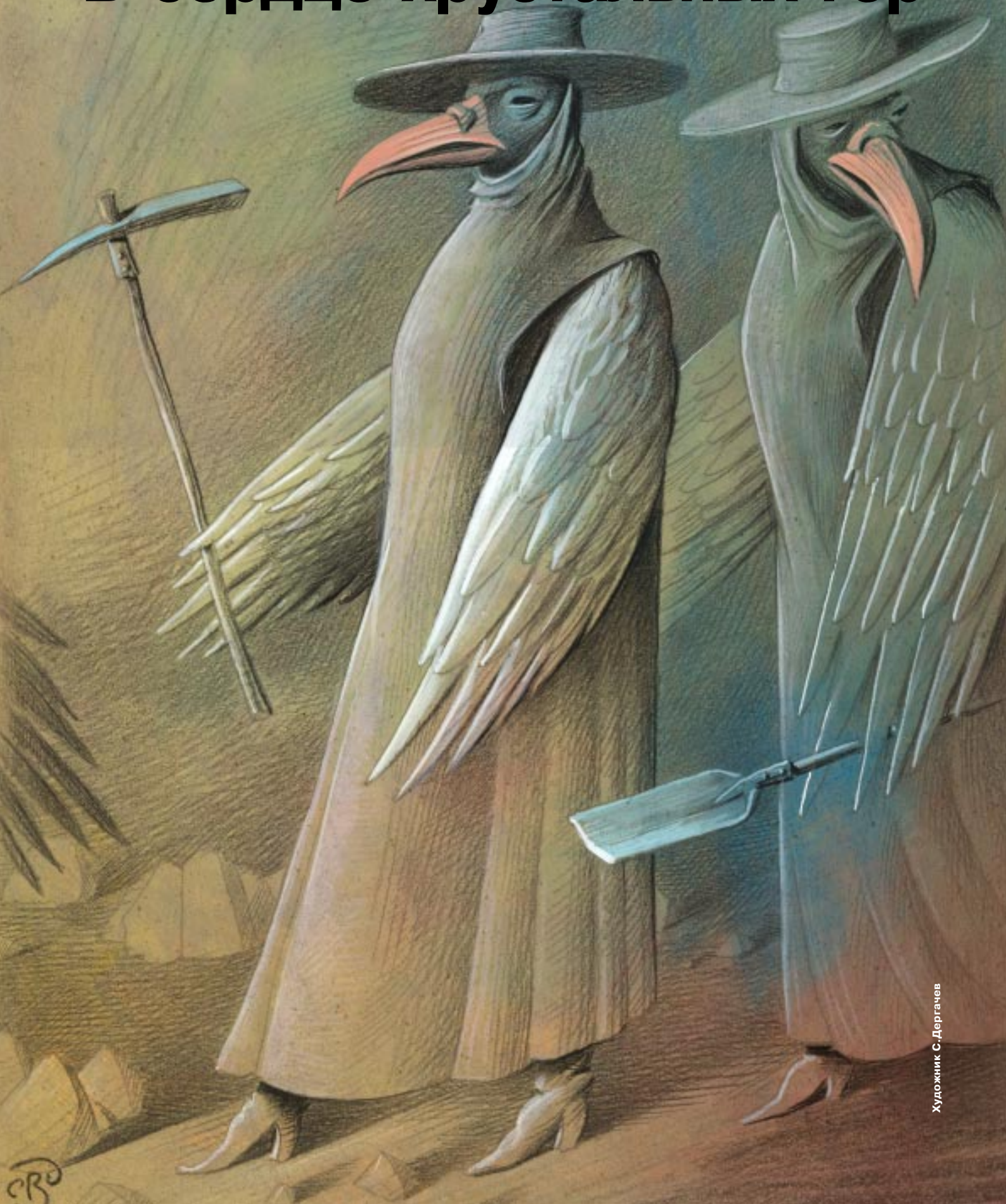

Константин Ситников

В сердце хрустальных гор

Художник С.Дергачев

CRD

1

Натянув шорты, зевая и почесываясь, я поднялся на палубу.

Солнце оторвалось от прибрежных мангровых зарослей, легкое облачко словно приклеилось к нему, поверхность океана была серой, стального оттенка, с неожиданно глубокими золотисто-салатными провалами.

Мы стояли на якоре в Гвинейском заливе. Слева виднелась бухта Габон с оседлавшим ее Либревилем, за ним возвышались голубоватые в утренней дымке Хрустальные горы, а еще дальше лежал невидимый отсюда Камерун.

На палубе появился доктор, тоже в шортах, но ниже колен, яркой гавайской рубашке навывпуск и большой белой панаме, из-под которой торчал горбатый нос. Доктор был специалистом по библейским языкам и уже несколько лет находился с миссией в странах Западной Африки.

Я торопливо провел ладонями по голове, чтобы привести в порядок рыжую шевелюру. Хмуро взглянув на меня, доктор отправился на бак, где валялось водолазное снаряжение. Он давно перестал здороваться со мной по утрам. Меня он нанял, чтобы нырять с аквалангом на дно шельфа. Мы медленно шли вдоль всего габонского побережья с юга на север, и по несколько раз на дню я совершал погружения и обшаривал подводные заросли.

— Опять вы не заправили аварийный баллон, — проворчал доктор.

Я только вздохнул.

— Сколько раз я вам говорил, чтобы вы с вечера заправляли оба баллона, — продолжал отчитывать меня доктор, пока я торопливо натягивал гидрокостюм. — Однажды вы горько заплатите за свое разгильдяйство. — Он замолчал и, не скрывая раздражения, принялся помогать мне с аквалангом.

Перед погружением не принято говорить под руку. Сердито посопев, доктор пожелал мне удачи. Надев маску, я перелез через борт и соскользнул в воду.

И вот я под водой. Мир сразу меняется вокруг. Все становится преувеличенным и неясным. Это — мой мир. Только здесь я чувствую себя свободным. Здесь нет доктора с его брюзжанием, здесь нет портовой полиции, здесь нет почти никаких ограничений. Я могу двигаться в любом направлении. Могу повернуть направо вслед за стайкой забавных рыбешек. Могу взлететь вверх к зеленоватой поверхности. Но сейчас мне нужно вниз. Я с силой отталкиваюсь ластами и ухожу в глубину.

Вообще-то доктор — неплохой дядька, только с причудами. Как-то приятель привез ему из Габона обломок раковины, неизвестной науке, — вот с нее все и началось. Что-то было в ней такое особенное — хотя, убей, не пойму что: обыкновенный костяной конус с узорами. Доктор сумел убедить нескольких толстосумов раскошелиться на морскую экспедицию; в Либревиле он нанял меня, посулив пятьдесят долларов в день и еще двести за каждую найденную раковину, а мне только того и надо было, поскольку портовые кабаки уже надоели до чертиков...

Еще вчера я заметил подводную скалу — не мешало бы теперь ее осмотреть. Ее неровная вершина появилась из желтоватого тумана. Я спустился пониже и начал методический поиск. Глубина десять метров, двадцать. Цепочки пузырей уходят вверх...

Тут иногда совсем забываешь о времени. Глянув на глубиномер, я с удивлением увидел, что он показывает почти тридцать. А дна все не видно. Тридцать метров — это немало. У меня кружится голова, стучит в висках.

Кислород в первом баллоне заканчивается, я переключаюсь на второй, делаю еще один рывок, впереди уже смутно маячит

песчаное дно. Чувствую, как возвращаются силы. Запас воздуха пока достаточный — вполне хватит и на обследование дна, и на спокойную декомпрессию. Бегло осматриваю основание скалы и тут вижу небольшой песчаный бугорок. Я уже догадываюсь, что это. Сердце бьется сильными, торопливыми толчками...

Я не ошибся. Это верхушка конусовидной раковины. Моллюск дохлый, и особой возни с ним не предвидится. Выкопать конус из песка, сунуть в прицепленную к поясу прорезиненную сумку, затянуть ремешок. Дела на один цент. И тут... я начинаю задыхаться. Хватаю ртом воздух. Воздух, которого нет...

Растяпа! Как я мог забыть, что второй баллон пуст?

2

— Айвэн! Очнитесь, Айвэн! Да очнитесь же!

Кто-то немилосердно тряс меня за плечо. Я с трудом разлепил веки и увидел над собой горбатый нос и черные глаза доктора.

— Ну наконец-то! Как вы себя чувствуете?

— Где я?

— Не радуйтесь, не в раю. В своей каюте. — Доктор помог мне приподняться, и я убедился, что это так. — Помните, что с вами случилось?

Я попытался припомнить. Погружение, подводная скала, в аварийном баллоне кончился кислород, причем как-то слишком внезапно... ах да, я же сам поленился подзаправить его! Глупо... Но было что-то еще, что-то важное. Что?

От напряжения у меня заболела голова, в глазах потемнело.

— Это последствия кессонной болезни, — донесся голос доктора. — Ничего, скоро пройдет. Вот, возьмите грелку, вам сразу станет легче.

Однако легче стало только вечером, поскольку еще несколько часов ныли все мышцы и суставы, а зуд под кожей был просто нестерпимым.

— Айвэн, я не стану отчитывать вас за разгильдяйство, — сказал доктор. — Впредь будьте осмотрительней. Вы помните это? — И он протянул мне костяной конус. Тот самый, из-за которого я чуть не отдал концы.

— Еще бы не помнить! — вздохнул я, разглядывая узор на раковине. — Она едва не стоила мне жизни.

— Вскоре вы забудете об этом маленьком неприятном происшествии. Помните, я обещал вам по двести долларов за каждый найденный экземпляр?

— Надеюсь, вы не собираетесь лишиться меня гонорара?

— Ни в коем случае. Напротив, в дальнейшем я собираюсь повысить его до трехсот долларов. Но вы должны найти для меня еще один экземпляр. По крайней мере, еще один! Это абсолютно необходимо. Так что выздоравливайте скорее — и за работу.

3

Однако следующей удачи нам пришлось ждать долго. Я совершил несколько погружений в том же месте, но безрезультатно. Доктор твердил, что ему совершенно необходимо выловить еще одну такую раковину, и не хотел покидать этого места, пока я не обшарю каждый уголок шельфа. Я нырял, но с каждым днем все больше убеждался в том, что мы только даром теряем время...

В тот вечер меня разбудили громкое лopotание и голос доктора. С кем он там мог разговаривать, я понятия не имел, но разговаривали они долго — не то спорили о чем-то, не то тор-

говались. Я перевернулся на другой бок и закрыл голову подушкой. Но и это не помогло. Поняв, что мне не уснуть, я поднялся на палубу.

По левому борту — длинная пирога, в которой стоял абориген, если не ошибаюсь, из племени мпонгве. Абориген в европейских шортах. Жилистый старик с черным курчавым волосом на морщинистой голове и седыми космами на плоской груди. В космах что-то темнело, но что именно, разглядеть было невозможно, поскольку солнце слепило мне глаза. В пироге грудой навалены кокосовые орехи, там же — плетеная корзина со свежей рыбой, несколько связок побегов бамбука. Размахивая длинными руками, старик высоким голосом предлагал товар доктору; доктор что-то отвечал ему на языке банту; тот внимательно выслушивал его, а потом снова начинал лопотать и размахивать руками.

— До чего утомительны эти аборигены, — пожаловался доктор, увидев, что я поднялся на палубу. — Битый час втолковываю ему, что не нуждаюсь в его товаре, а он опять за свое!

— А вы у него купите хоть что-нибудь, — посоветовал я.

— Я бы так и сделал, только боюсь, что тогда он вообще нас в покое не оставит.

Тут на солнце набежало низкое кучевое облачко, и я схватил доктора за руку:

— Смотрите, док!

Теперь, когда солнце не слепило глаза, я увидел, что на груди у старика висит большой костяной конус. Очень похожий на нашу раковину. Доктор так и впился в него глазами.

— Эй, милейший, — закричал я, махая рукой, чтобы привлечь внимание старика, — не соблаговолите ли вы подняться к нам на борт и удовлетворить наше любопытство по поводу одной вещички, обладателем которой вы являетесь?

Не уверен, что я выразил свое пожелание именно в этих словах, однако его смысл был приблизительно таков.

Старик уставился на меня круглыми, немигающими, как у ящерицы, глазами, а потом перевел вопросительный взгляд на доктора. Я подтолкнул последнего локтем в бок, и он, наконец выйдя из ступора, повторил мой спич на языке банту. Результат не замедлил сказаться: старик страшно оживился, подгрел к самому борту и уцепился за поручень трапа; не иначе, решил, что мы заинтересовались его товаром. Ловко, по-обезьяньи, вскарабкался по перекладинам, и вот он уже стоит перед нами, скаля сточенные черные зубы и потирая темно-розовые ладони. Плоская грудь над выпуклым животом сплошь покрыта густыми белыми кудрями. Вот в этих кудрях и висел на шнурке «номер два».

Доктор, как сомнамбула, двинулся вперед, но я ухватил его за одежду на поясице и немного попридержал. Проявив явную заинтересованность в раковине, он мог испортить все дело. Я решил взять негоциацию в свои руки. С брезгливой гримасой оглядел сваленный на дне пироги товар и, ткнув пальцем в корзинку с рыбой, осведомился: «Хау мач?»

Старик показал мне два пальца. Пальцы у него были длинные и морщинистые. Я показал ему один палец. Он покачал головой. При этом с лица у него не сходила дурацкая улыбка в тридцать два черных пенька. Я в свою очередь тоже покачал головой и ткнул пальцем в кокосовый орех. Он показал один палец на одной руке и пять на другой. Дескать, один доллар за пять орехов. Но я и тут не растерялся и показал ему один палец на одной руке и два раза по пять на другой. Он опять покачал головой. Тогда я небрежно, как будто только сейчас ее увидел, ткнул пальцем в раковину на его груди и показал один палец.

Он тут же схватился за раковину обеими руками, затряс головой и быстро-быстро залопотал.

— Что он говорит? — спросил я у доктора вполголоса.

— Он говорит, что не может продать раковину.

— Что значит — не может?

— Это — мбеге. Священная реликвия всего племени. Он говорит, что она была выловлена еще его прадедом на этом самом шельфе. Она служит ему чем-то вроде амулета-оберега.

— И что, он не продаст ее даже за пять баксов?

— Боюсь, когда речь идет о мбеге, деньги для них не имеют никакой ценности.

— А это мы еще посмотрим, док, — сказал я.

У меня появилась одна мыслишка. Оставив доктора развлекать гостя, я спустился к себе. Под койкой у меня была спрятана заначка — пара бутылок виски. Чего только не сделаешь ради науки! Поэтому, обтерев бутылки от пыли носовым платком, я сунул их в карманы шорт и снова поднялся на палубу. Там продолжалась милая беседа, причем доктор просто глаз не отрывал от раковины.

Как я и рассчитывал, бутылки тут же привлекли внимание старика. Он тут же захлопнул рот и жадно уставился на них. Дело было верное.

— Намекните ему, док, что этот белый парень охотно расстанется с двумя бутылками чистого виски, если он, — указал я на старика, — перестанет цепляться за свою жалкую раковину, пусть даже она тысячу раз будет мбеге, и передаст ее вам в качестве вещественной благодарности.

Не знаю, точно ли доктор перевел мои слова, но они заставили старика подскочить на месте. С неожиданным проворством он прыгнул в пирогу, едва не перевернув ее, схватился за весла и что есть силы принялся грести к берегу. Я озадаченно посмотрел на доктора, который уже был готов наброситься на меня с кулаками. Но тут пирога остановилась и дала задний ход. Когда она поравнялась с нами, старик опять вскочил на ноги и, старательно не глядя на меня, принялся быстро-быстро лопотать. В ответ доктор только качал головой.

— Ну? — не выдержал я.

— Он предлагает весь свой товар за одну бутылку виски.

Что мне оставалось? Презрительно сплюнуть в воду. Это не нуждалось ни в каком переводе.

Тогда старик вдруг бросился ничком на дно пироги и пролежал так не менее четверти часа. Я уж было подумал, не умер ли он с горя. Но вот он поднялся, снял с шеи шнурок, на котором висела раковина, и, нацепив его на лопасть весла, протянул доктору. Доктор бережно принял раковину, затем надел на весло прорезиненную сумку, в которую я опустил обе бутылки. Получив желаемое, старик стремительно поплыл к берегу, как будто боялся передумать.

4

Итак, раковины были у нас. Но что с того? Я по-прежнему терялся в догадках, зачем они понадобились доктору, специалисту по библейским языкам. Он уже битый час не выходил из каюты, где заперся со своими сокровищами. От нечего делать я болтался по палубе. Мы стояли у северной границы Габона, недалеко от берега. Даже отсюда было слышно, как пронзительно кричат в мангровых зарослях мандрилы. Либревиль остался далеко за кормой, прямо по курсу лежала Экваториальная Гвинея.

Доктор поднялся на палубу, когда солнце садилось за горизонт. Я и не услышал, как он подошел ко мне. Лицо у него было какое-то ошеломленное. Только сейчас я заметил, что глаза у него слегка косят.

Он жадно глотнул морского воздуха и уставился на возвышавшиеся над джунглями Хрустальные горы. Они уже начали

погружаться в глубокую синюю тень, но их вершины по-прежнему были словно отлиты из чистого золота.

— Странное это время суток — ранние сумерки, — произнес доктор. — Аборигены говорят, это время, когда на землю спускается бог. Один из тех черных смешных божков, которым они поклоняются. Но сейчас, в такую минуту, я готов поверить в эту легенду. Пойдемте, Айвэн, я хочу кое-что показать вам. Пойдемте скорее.

Мы спустились в капитанскую каюту. Доктор сразу направился к стеклянной витрине, где красовались раковины.

— Дорогой мой Айвэн, — торжественно заговорил он, — мы почти месяц охотились за этими редчайшими раковинами. И вот они в наших руках. Одну вы отыскали на дне шельфа в южной части залива, другую мы раздобыли сегодня благодаря вашей находчивости и жертве, которую вы принесли.

— Если вы имеете в виду те две бутылки виски, — заметил я, — то вы, верно, забыли, что в награду за них я положил в карман еще три сотни баксов, добавив их к тем двум, которые получил за номер первый.

— И вы наверняка спрашивали себя, — продолжал доктор, не обращая внимания на мою тираду, — для чего этому старому чудаку понадобились какие-то невзрачные раковины?

— Они вовсе не невзрачные, — возразил я из вежливости. — И узорчик на них очень даже ничего.

— Именно, Айвэн! И вот теперь вы приобщитесь к тайне, которая составила смысл моего существования с тех пор, как мне в руки попал обломок этой раковины.

— Вот этот? Что же в нем такого особенного, сэръ?

— Я тоже не видел в нем ничего особенного, пока однажды не пригляделся к нему получше. Мне показалось странным, что узор на этом обломке напоминает еврейские буквы. Вы же знаете, я занимаюсь библейскими языками. Так вот, эти раковины содержат надпись на языке Торы!

— Рассказывайте! — не поверил я. — Может, вы еще скажете, что прочитали ее?

Доктор кивнул, вновь торжественно:

— Именно так. Взгляните сами!

Он достал раковину и протянул ее мне. Она оказалась тяжелой и жирной на ощупь, как парафин. Это был конус с продольными складками и многочисленными поперечными рябинками. Желтовато-белый, цвета сгущенного молока, покрытый черным узором с синими, словно размытыми краями. Сейчас, при более внимательном осмотре, стало заметно, что в узоре встречаются еще и красные вкрапления.

— Так вы говорите, надпись на еврейском?

— На древнеарамейском, на языке Торы. Мой отец был раввином и каждый день заставлял меня читать Тору. Ох, и тяжелая у него была рука!

Я снова поглядел на раковину. Узор на ней располагался как бы в три ряда.

— Ничего не понимаю, — признался я. — Это действительно можно прочитать?

— Даже вы сможете это сделать.

— Шутите, док?

— Ничуть. Начните с какой-нибудь буквы. Да вот хотя бы с этой.

— И доктор провел указательным пальцем по закорючке в правом верхнем углу узора. — Этот значок, похожий на съезженную свастическую, — главная буква еврейского алфавита, «алеф». Попробуйте прочитать — с моей помощью, конечно, — какое-нибудь слово. Только учтите, что по-еврейски читать следует справа налево.

ФАНТАСТИКА

— Почему?

— Такое правило. Ну, давайте начнем со второй «строки» и, как я сказал, справа. Что вы видите?

— Кофейник.

— Хм... Ну, пусть будет кофейник. Это буква «мем», а черточка под нею — знак «патах» — передает звук «а». Дальше!

— Загогулина какая-то, вроде ручки от кастрюли. — Наша игра стала захватывать меня.

— Это буква «ламед». Двоеточие внизу — знак «шева» — передает звук «е». Дальше!

— Дальше идет этот ваш «алеф», а в конце опять ручка, дверная.

— Это буква «мем», тоже со знаком «шева» слева. В итоге у нас получается слово... Ну, прочитайте по буквам.

— «М-а-л-е-д». «Малед». И что сие означает?

— По-еврейски это означает «ангел».

— Да ну? — не поверил я. — А другие закорючки тоже что-нибудь значат?

Доктор утвердительно кивнул.

— Что же?

— Вы не поверите.

— Да уж постараюсь.

— Говорю вам, вы не поверите. Я сам не поверил вначале. До сих пор как во сне живу.

И доктор с прежней торжественностью, которая так не вязалась с его мальчишескими шортами и легкомысленно-яркой гавайской рубашкой навыпуск, прочитал:

— «Аз есмь ангел, замурованный в толще скал».

5

— Кто знает, — говорил доктор, — в какие незапамятные времена это существо было низвергнуто на землю. Несомненно, оно обладает сверхъестественными способностями, иначе как бы оно сумело послать нам это сообщение на раковинах? И я уверен, оно зовет о помощи!

— Что же вы намерены предпринять, сэръ?

— Разумеется, найти его! Что же еще? Не для того же я потратил столько усилий, чтобы отступить сейчас, когда эти чудесные раковины у меня в руках. Я непременно отыщу его, и тогда...

— А как же я? Что будет со мной, сэръ?

Доктор потер подбородок рукой.

— Я как-то не подумал об этом, — пробормотал он. Но вдруг его осенила идея: — Вы отправитесь со мной... в горы! Это же так просто!

— В горы?

— Ну да, вы же слышали, ангел замурован в скалах.

— Но что я буду делать в горах, сэръ? Готовить вам кофе? — Я с сомнением покачал головой. — Вы, конечно, помогли мне там, в порту. Я благодарен вам, и все такое. Но... мне нужно подумать.

Я вышел на палубу. Солнце уже зашло за горизонт, воздух стал тусклым и прохладным. Вот и все, конец экспедиции. Чертовы раковины найдены, а значит, мне больше нечего делать в глубине. Я поглядел на водолазное снаряжение, сваленное на баке, и неожиданно в глазах у меня зашипало, как будто туда попала морская соль. Завтра я уже не буду натягивать на ноги ласты, и доктор не будет ворчать, что я не заправил аварийный баллон. Мне снова придется вернуться в грязный порт — к портовым жуликам и портовой полиции. Я чувствовал себя обманутым.

Но через минуту мои мысли потекли совсем в другом направлении. Ангел... это надо же! Какое преступление совершил он, чтобы его замуровали в толщу скал? Может, он такой же неудачник, как и я?

В капитанской каюте доктор уже собирал вещи для предстоящего путешествия.

— Постойте-ка, док, — сказал я прямо с порога. — Ну хорошо, допустим, вы правы и это призыв о помощи. Но как вы собираетесь разыскивать этого ангела? Не прочесывать же все горы! Это безнадежное дело. Выходит, рано сворачивать экспедицию?

Не знаю почему, но такой поворот дела показался мне небезынтересным. И я даже почувствовал жалость к доктору — ведь он так хотел найти этого своего ангела!

Но тут меня ожидал сюрприз.

— Я не сказал вам, Айвэн, — проговорил доктор виновато. — Я знаю точные координаты. Они зашифрованы в самой надписи. Вот почему мне и нужна была вторая раковина.

— Вторая раковина? Не понимаю.

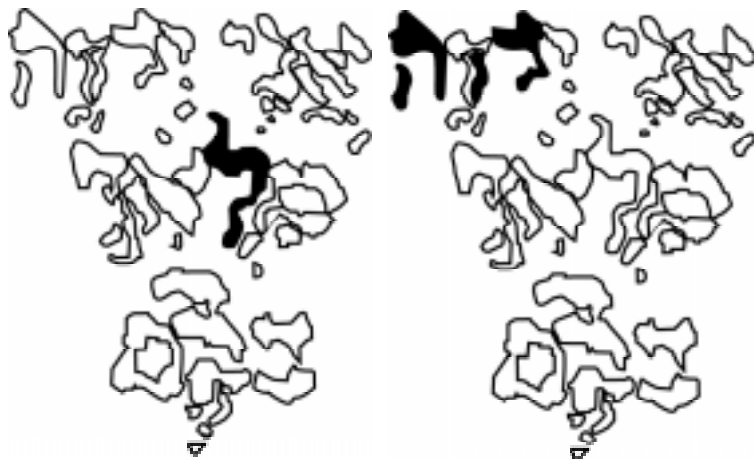
— Узоры. Видите эти красные вкрапления в черном узоре?

— Да, я их сразу заметил.

— А заметили вы, что красным выделены лишь некоторые буквы? На раковине, которую выловили вы, выделена буква «ламед» в слове «ангел», а на той, которую мы выменяли у старика, — две буквы «хе» в слове «яхве» — «сущий, аз есмь».

— И что же?

— Это не случайно. Согласно каббале, каждая буква в древнееврейском алфавите имеет сакральный смысл. Так, буква «ламед», как говорят, господствует в соитии, ей соответствуют созвездие Весы, месяц тишири и желчный пузырь в человеческом теле. А кроме того — и, собственно, лишь это имеет для

нас значение, — она обозначает «западную высоту» и число тридцать. В свою очередь, буква «хе» господствует над речью, ей отвечают созвездие Овен, месяц нисан и правая нога человека. А также «восточная высота» и число пять. Понимаете?

— Не совсем.

— Ну как же! Теперь все, что нам нужно, — это карта и циркуль. — Доктор достал из стола карту Габона и циркуль. — Вот здесь мы нашли номер первый, а где-то тут был выловлен номер второй. — Он отметил эти места точками. — Чертием вокруг первой точки окружность с достаточно большим радиусом, кратным тридцати, а вокруг второй — окружность с радиусом, кратным пяти.

— Понял! — воскликнул я. — Теперь остается лишь провести через точки пересечения окружностей прямую, которая будет перпендикулярна отрезку, соединяющему оба места, где были найдены раковины. Где они пересекутся, там и... Но мы попадаем прямоком в залив!

— Не забывайте, Айвэн, что ангел, как сказано, замурован в «толще скал». Ваши расчеты были бы безупречны, если бы на раковинах были выделены буквы «самек» и «зайин», обозначающие не высоту, а соответственно западную и восточную глубину. Но поскольку мы имеем дело не с глубиной, а с высотой, то и должны вести наши вычисления с учетом этого обстоятельства. Поэтому нужно брать не точку пересечения прямой с отрезком, соединяющим места, где были найдены раковины, а точку пересечения прямой с горным хребтом. Теперь вы понимаете? — И доктор ласково погладил меня по плечу. — Я вижу, вы расстроены. Но я должен найти его! Решайте, пойдете ли вы со мной или останетесь на яхте. Даю вам ночь. Завтра утром мы возвращаемся в Либревиль. Мне еще нужно взять напрокат джип и закупить оборудование, необходимое для горной экспедиции.

6

Густая и высокая, в два человеческих роста, слоновая трава подступала к самой дороге. Тут и там из травы торчали одинокие баобабы, кокосовые и масляные пальмы, иногда по обочине мелькали узкие, высокие, похожие на причудливые башни термитники. Впереди синели Хрустальные горы.

Мы сделали привал возле ручья, широкого, но обмелевшего, с обнажившимся каменистым руслом. За ним саванна переходила в джунгли предгорья. Хрустальные горы, казалось, нависали над ручьем — синие, в пятнах теней, прохладные...

Джип мы вынуждены были оставить внизу и дальше отправились пешком. На третий день похода карта привела нас в труднодоступный район, поросший первичным лесом. Тропа поднималась все выше и становилась все круче, а справа, за обрывистым спуском, все шире открывался океан, серый с голубоватым отливом.

И вот мы вышли на седловину, которую окружали гигантские деревья. Прямо перед нами — голые известняковые скалы, а посреди них — треугольная пещера. При первом же взгляде на ее сумрачный зев у меня возникло ощущение, что это и есть то самое место. Да, что-то явно чуждое окружающим горам. Я вопросительно взглянул на доктора, и он молча кивнул мне в ответ.

Солнце перевалило зенит и уже наполовину скрылось за верхушкой скалы, когда мы вступили под своды пещеры. Она оказалась широкой, сухой, но постепенно стала сужаться и вскоре превратилась в узкий лаз, идти по которому приходилось сильно пригнувшись. Солнечные лучи почти не проникали сюда. Мы зажгли большие шахтерские фонари, которые доктор предусмотрительно захватил из Либревилля. Я достал записную книжку и на всякий случай принялся зарисовывать пройденный путь. Он выглядел так:

Преодолев узкий лаз, мы вышли в длинную, изогнутую галерею. Меня удивил вид стен и сводов: они были какие-то реб-

ристые, причем эти острые выступы, как бы окольцовывавшие пещеру по окружности, отстояли друг от друга примерно на равное расстояние. (Здесь и далее — см. мои зарисовки.)

Пройдя эту галерею, мы очутились в тесном каменном мешке с низко нависшими сводами.

Тусклые пятна наших фонарей прыгали по неровным поверхностям. Но в дальнем конце чернел узкий проход. Своды резко уходили вверх. Это оказалась огромная пещера, и фонари были слишком слабы, чтобы осветить ее всю. Нам была хорошо видна только ближняя стена, а все остальное тонуло во мраке. Звук наших шагов гулко отдавался в дальних углах. Направо и налево открывались проходы — по два с каждой стороны. Мы исследовали их, но они заканчивались тупиками.

В конце концов путь нам преградило небольшое, очень зловонное озеро. Мы попытались было обойти его через боковые проходы, однако они тоже закончились тупиками.

По ту сторону озера, причем над самой водой, в низко нависшем своде чернел еще один проход. Я заметил, что вдоль всей стены к нему ведет узкий карниз. Доктор наотрез отказался идти по нему, а я решил рискнуть.

Ладно — искать так искать!

Осторожно, придерживаясь раскинутыми руками за неровную стену, быстрыми, мелкими шажками я двинулся в сторону

прохода. Это оказалось не так уж трудно, и через несколько минут я забрался в узкий, сухой лаз.

Теперь пришлось ползти на четвереньках. Чувствовался сильный наклон. Спуск продолжался невообразимо долго. Вконец измученный и покрытый меловой пылью, я было решил прекратить дальнейший поиск, тем более что лаз непрерывно сужался.

Однако неожиданно впереди показался просвет. Я почувствовал дуновение свежего воздуха, и это придало мне сил. Почти ползком, обдирая колени и локти, я добрался до круглого отверстия. Лаз обрывался в отвесной стене. Отсюда, с высоты птичьего полета, открывался вид бескрайних лесов, саванны и джунглей, за которыми лежал далекий Камерун. Огромное красное солнце садилось слева, за стального оттенка Атлантический океан.

Я понял, что прошел известняковые скалы насквозь.

Ангела нигде не было. Все наши поиски оказались напрасными.

ФАНТАСТИКА

7

Прошло полгода. Никаких известий от доктора я не получал и по-прежнему ошивался по портовым кабакам в поисках случайного заработка, старательно избегая встреч с копами. Однажды вечером я выбрался из одного уютного местечка, и тут меня поймал Седой — здоровенный негр с пепельной шевелюрой.

— Послушай, Айвэн, — сказал он, — тебя один тип разыскивает. Обещает хорошие чаевые тому, кто скажет, где ты. Вот я и подумал: надо предупредить.

— Что за тип? — спросил я, стараясь не выдать тревоги (не иначе, снова потянут в полицию по старым делам).

— Да такой серьезный дядька на джипе. Говорит, ты будешь рад встретиться с ним. Дал мне десять баксов. Я не

стал отказываться: зачем вызывать у него подозрение? Так я выпью на них за твоё здоровье, если ты не возражаешь, да?

— Валяй, — согласился я, не переставая думать: что же это за тип?

И тут из-за поворота действительно вырулил джип, а за рулем — я глазам своим не поверил — доктор собственной персоной. Только вместо шортов и легкомысленной гавайской рубашки на выпуск на нем был дорогой костюм и галстук-бабочка. Если что осталось от прежнего доктора, так это черные глаза, горбатый нос и панамы. Его появление было таким неожиданным, что я по привычке даже попытался пригладить волосы.

Завидев меня, доктор улыбнулся и помахал панамой. А уже через пару минут мы сидели в баре за пивом.

— Как это вы умудрились меня отыскать, док?

— Это вовсе не сложно. Просто я всем говорил, что ищу лучшего ныряльщика на побережье. Как дела, Айвэн?

— Хреново, док, — честно признался я. — А что, есть работа?

— В будущем — возможно, — туманно произнес он. Потом как-то странно взглянул на меня и будто бы между прочим обронил: — Я ангела нашел.

— Ну так выпьем за это, — сказал я. И только потом до меня дошел смысл его слов. — Не может быть! Где?

— Там, — махнул доктор в сторону видневшихся в окне Хрустальных гор. — Мы были просто дураки, Айвэн, и не сумели увидеть очевидного. Это...

— Пойдите, док, — перебил я, — вы снова ездите в горы?

Он покачал головой:

— Я нашел его, не сходя с места. Помните, вы дали мне свою записную книжку, в которой зарисовали весь пройденный нами путь?

— Ну и что же? При чем тут моя записная книжка?

— А вот взгляните. Эти подземные галереи, которые вы так тщательно вычертили... Они ничего вам не напоминают? Ну,

ФАНТАСТИКА

отрешитесь от частных и постарайтесь увидеть картинку целиком! Достаточно прорисовать кое-какие детали, повернуть рисунок на сто восемьдесят градусов, вот так... — Доктор быстро набросал что-то карандашом в блокноте и показал мне. — Разве не похожи все эти подземные пещеры на огромные кости... на скелет гигантского существа?

Я взглянул на рисунок доктора.

— Вот дьявол! — вырвалось у меня. Потому что все сразу встало на свои места.

— Мне думается, — сказал доктор, — послание, которое мы получили на раковинах, пережило своего автора. Ангел умер, и его выветренный скелет превратился в часть Хрустальных гор. Нам трудно было представить существо подобных размеров, вот почему мы не смогли сразу увидеть очевидного. Простительная ошибка, впрочем.

Доктор приложился к кружке, со стуком поставил ее на стол и вытер губы тыльной стороной ладони.

— Итак, ангел найден, — сказал он. — Что дальше? Не знаю. Одно мне ясно: в мире еще много непознанного. Оно зовет к нам. Надо только прислушаться и суметь услышать. Так, как мы сумели услышать зов ангела, донесшийся до нас через миллионы и миллионы лет.

